

Александра Маринина: "Я не боюсь изменять Каменской"

В этом году Александра Маринина отмечает десятилетие своей творческой деятельности. По случаю этого юбилея звезда российского детектива вновь удивила всех, представив на суд читателей новый роман - "Фантом памяти", написанный в абсолютно новом, не детективном жанре. Выход новинки в свет совпал по времени с 15-й Московской международной книжной ярмаркой, на которой и состоялась долгожданная встреча писательницы с публикой.

- Александра Борисовна, вы "изменили" жанру детектива и Насе Каменской, предпочтя любимому "криминальному чтиву" миллионов россиян малопопулярный, в общем-то, жанр проповеди, романа о нравственных исканиях. Почему?

- Потому что я делаю только то, что хочется. В какой-то момент мне хочется писать о Каменской - я пишу о Каменской. Просит душа чего-то другого - пишу сагу о Наталье Вороной. Или еще что-то. Но "Фантом памяти" - это не роман-проповедь. В жанре проповеди пишет тот, кто уверен в обладании истиной и выходит на кафедру, на амвон, чтобы учить паству. Я же не проповедник, не ментор. Я никого не хочу и не пытаюсь учить, не претендую быть учителем. Я - среднестатистический россиянин женского пола 45 лет от роду. И поскольку я среднестатистическая, то все или почти все интересное мне в моем возрасте будет интересно довольно большому количеству людей.

В новом романе я ставлю только вопросы, не даю ответов, потому что ответы - это уже наставление, проповедование. Каждый ищет их сам для себя. Есть очень интересный американский философ-теолог Уолш, которому книга и посвящена, и есть у него такая мысль, удивительно простая - как только каждый не додумался! "Если ты, читая эту книгу, соглашаешься с тем, что в ней написано, значит, ты нашел свою мудрость. Если не соглашаешься и говоришь, что это неправильно, то задаешься вопросом: а как правильно? И, отвечая на него, все равно находишь свою мудрость". Если человек хоть немножко духовно активен, то он, утверждая мою неправоту, начнет думать и найдет сам свой ответ. Этого только я и хочу - дать повод думать и искать ответы.

- Не боитесь потерять свою аудиторию?

- Не боюсь, но не потому, что уверена в непоколебимой приверженности читателей, а потому, что душа моя будет спокойна. Она хотела саги "Тот, кто знает" и "Фантома памяти", который в рукописи назывался "Золотой червонец". Душе все равно, будут ли читать и любить эту книгу. Или, увидев, что это не про Каменскую, что нет здесь трупов и оперативных действий, на пятой странице отбросят книгу. Что подлаешь... Ведь и детектив не всем интересен. Это и хорошо, что мы все разные. Беда была бы, если бы мы все были одинаковые. Вот тогда с ума можно было бы сойти! Насчет же книги я честно предупреждаю: кто ждет детектива с бурным экшном, с захватывающей интригой с самого начала, не покупайте эту книгу. Она совершенно другая. Очень медленная. В ней мало что происходит. Многим может показаться даже скучной - до первого выстрела: все-таки есть там и нападение, и оборона, и тай-

на, над которой бьется главный герой, потерявший память и не могущий долго понять, кому же это он так мешает.

Могу успокоить стойких приверженцев детектива: следующий роман задуман как раз детективным. Не знаю точно, будет ли там Каменская. На сегодняшний день мне кажется, что будет. Но когда я будущую вещь окончательно выстрою, может оказаться, что мне нужен другой герой, с другим менталитетом, характером и физическими данными.

- В "Фантоме памяти", хоть там и нет стрельбы, трупов и экшна, бросается в глаза и удивляет степень концентрации подлости вокруг главного героя. Откуда это взялось?

- Мы сами своими поступками, своими мыслями создаем то, что вокруг нас происходит. Если ты хочешь быть всеми любимым золотым червонцем, если топчешь собственную душу, которая требует совсем другого, в угоду общественному мнению и своему окружению, будь готов к тому, что концентрация подлости вокруг тебя будет очень высокой. Это особенность писателя Корины. Такой сад он вокруг себя вырастил. Герой хотел под всех подлечь, всем угодить, и сад его вырос зловонным и гнилым. Веди себя Корин по-другому, подлости вокруг него было бы куда меньше, а то, может, и совсем бы не было. Нам долго внушали, что собственное мнение ненадежно и подлежит исправлению внешним воздействием. Это - обычный инструмент власти. Я сама была очень долго и прочно ориентирована на внешнюю оценку. Во-первых, потому, что росла и училась в идеологически управляемом обществе, а во-вторых, потому, что проработала двадцать лет в системе МВД. Причем в научных учреждениях, где каждая написанная фраза подвергалась коллективному обсуждению и правке. И я жила с убеждением, что внешний критик всегда прав.

Так же я относилась к критике своих первых книг о Каменской. Каждое замечание принимала на веру и ужасно расстраивалась, плакала, отчаивалась, убежденная, что опять написала плохую книгу. Сомневалась, писать ли дальше. Мои близкие говорили: "Смотри, вот эти критики считают, что ты написала плохо. Но тысячи читателей считают, что ты написала хорошо. Почему ты не уважаешь мнение читателей?" И в конце концов до меня дошло: есть две группы людей, и у них разные мнения. Из чего не следует, что я гениальная, раз меня любят читатели. И не следует, что я бездарная, раз меня ругают критики. Я должна просто жить и слушать свою душу. Нужно было несколько лет переживания, чтобы наконец прийти к такому в общем-то незамысловатому выводу. И

Писательница считает, что она среднестатистическая россиянка.

когда я к нему пришла, то решила, что напишу "Золотой червонец", который теперь называется "Фантом памяти", и пусть про меня говорят что угодно: что пошла куда-то не туда, в мистические искания, что исписалась. А я сделала то, что просила моя душа.

- Раз уж мы заговорили о "Золотом червонце", который у всех на устах в связи с августовской кражей из вашего офиса, может быть, расскажете, как продвигается расследование?

- Не знаю, как оно продвигается, и продвигается ли вообще, потому что наши следователи-оперативники не имеют приятной привычки сообщать потерпевшему, как идет дела и что происходит. Пользуясь случаем, я хотела бы проставить акценты, смещенные в работе средств СМИ. Дело подали так: "У Марининой украли рукопись!" Да каким ворам эта рукопись нужна! Украли компьютер, о содержании которого следователем был задан вопрос. Я ответила, что ноутбук содержал электронную почту, деловую переписку и рукопись. Еще пропали драгоценности и деньги, оставленные друзьями на хранение. Сигареты мои были прихвачены - шесть блоков. И самое дорогое для меня - купленный мной литагентом в банке мне в подарок золотой червонец. Кража раскрыта не будет. На эту тему - все.

- Вам достаточно собственных знаний по психологии для написания книг или приходится обращаться за помощью к специалистам?

- В основном да. Они у меня от милицмейской работы. Пер-

вой моей большой темой было изучение преступника с аномалиями психики - там без психологии и психиатрии просто не уедешь никуда. Но когда мне для книги этих знаний не хватает, я обращаюсь за советами к специалистам. Что же касается нетрадиционной медицины, то мне лично очень повезло. В апреле этого года судьба свела меня с очень ярким и умелым человеком. Чтобы понять, как эта методика работает, я стала сначала пациентом, а потом учеником. И теперь свидетельствую: работает. А отразилось это всего в полстранице текста... Зато у меня теперь есть личный опыт и умение первой ступени, я могу оказать помощь себе и близким. Когда удастся, я обязательно пройду вторую и третью ступень. Только, конечно, не затем, чтобы совмещать профессию писателя еще с одной - доктора, ведущего прием в персональном медицинском кабинете.

- Вы часто затрагиваете тему о том, что все люди разные. Это нашло отражение в новом романе?

- Главная мысль заключается в том, что из естественной, природно обусловленной любви человека к самому себе можно сделать как минимум два диаметрально противоположных вывода. Люблю себя и ненавижу все и всех, кто на меня не похож, кто со мной в чем-то не согласен. Или люблю себя и понимаю, что каждый вправе так же любить себя за то, что он - не я, а он. Не такой, как я. Другой. И так стирается принцип оценки "хороший - плохой". Нет хороших и плохих, есть - другие. Со своим

неотъемлемым правом быть разными, не похожими друг на друга. И без всякого осуждения друг друга за это. К моим героям, я знаю, относятся по-разному. Особенно к герою "Фантома памяти". В одной душе он затронул струны, которые отзываются чувством антипатии, омерзения, отторжения. А в другой - совсем наоборот. И заставил переживать: зачем Маринина оставила своего Корины "над пропастью" и что же с ним будет дальше? Желать, чтобы все дальше было хорошо, сочувствовать и жалеть, симпатизировать.

- Вы стали медленнее писать?

- Мне бы хотелось творить быстрее. Заработок был бы больше! Мне бы на все, на все хватило денег! Но так мне сейчас пишется, хотя раньше было не так. Потому что раньше я была моложе. И еще служила. А на службе, особенно в последние четыре года, находилась в очень тяжелой, некомфортной, конфликтной ситуации. Я совершила ошибку, став начальником, - я совершенно никудышный начальник и администратор. И все-таки стала - черт меня дернул. Спасаясь от стресса на работе, я стала отгораживаться, выстраивать стену. В обеденный перерыв, вечерами, выходными и во время отпуска я писала, убегала в вымышленные обстоятельства от мучительных для меня реальных. Адреналин бегства подтегивал темп письма. Теперь убегать мне ни от чего не надо, и я пишу спокойно и размеренно. Но уже не в том темпе.

Беседовала
Наталья ВЕТРОВА

Маринина
18.09.2002